Шалапин Федор
Иванович

29.6.2000.

«КТО-ТО ДАЛ НАМ НАШИ ДОРОГИ»

Федор Иванович Шалапин глазами
младшей дочери Марины *Неравновесная
забута. - 2000. -
- 29 июня. - с. 9/14*

На знаменитом кустодиевском портрете **Шалапина** фигура великого певца естественным образом затмевает собой еще нескольких далеко не второстепенных персонажей. Наиболее заметен, конечно, бульдог Ройка. Но он вовсе не был, как может показаться, любимой собакой гениального артиста. Ройка принадлежал его младшей дочери от второго брака – Марине. Ей он был подарен отцом на день рождения. Но самое замечательное, что хозяйка симпатичного пса тоже изображена на картине. Это та девочка в черном пальтеце, которая идет по заснеженной ярмарке вместе со своей старшей сестрой **Марфушей** и шалапинским любимцем, бывшим хористом Мариинского театра **Исайкой Дворицким**, которого до революции певец таскал за собой по всему свету. На картине Марина прижимает к груди игрушечную обезьянку Кинку. Никогда бы не мог подумать, что доведется воочию увидеть эту удивительную обезьяну, которая в свои 80 с небольшим сохраняет весьма недурную форму. Вот только ладошки ей пришлось в свое время замечать. Все дело в том, что, когда Марина брала Кинку в театр на папины спектакли, именно ей приходилось аплодировать со всем жаром. Рукоплескать собственному отцу в те времена считалось дурным тоном.

О тех стародавних временах мы и говорили с Мариной Федоровной в саду ее дома в предместье Рима.

Сергей Старцев

МАРИНА ФЕДОРОВНА, попробуем начать с начала. Расскажете, пожалуйста, о своих самых первых детских впечатлениях, связанных с отцом.

— Шел август 1914 года: Лето мы тогда проводили во Франции. Папа взял меня на плечи и пошел купаться в море. Я начала жутко орать. Я была полностью уверена, что надоела ему и он решил меня утопить. Папа здорово рассердился и принес меня обратно на берег. Он сердится, а я еще пуше ору. Мне было тогда два года. Началась Первая мировая война.

Мы уехали из Франции, но чтобы попасть в Россию, мы уже не могли через Германию ехать, как обычно. Отправились в Англию, в Глазго сели на пароход. Меня спустили в какую-то лодку, и опять я думала, что меня собираются топить. Это был грузовой пароход, на котором гражданские ехать вообще не могли. Поэтому нужно было тихо на борт подниматься, а я опять ору во все горло. Я все это помню: и нашу дорогу в Берген, и как мы через Финляндию возвращались в Петербург. Мама мне сначала даже не верила, но когда я ей рассказала, что выход из каюты был не в коридор, а прямо на открытую палубу, поверила. Потому что каюта эта была капитанская и выход из

нее был действительно на палубу.

Когда началась война, папа уже за границу не ездил. Только в Москву уезжал. Звонил домой оттуда по телефону, все с ним говорили, а я не могла. До сих пор этих телефонов боюсь. «Ну а Маринка-то что?» — папа спрашивает. И вот я иду к телефону, стою и не знаю, что говорить. Папа кричит в трубку: «Ну, что ты молчишь!» А я шепелявлю в ответ: «У меня шлев нет».

Помню, он приходил к нам в детскую и перед сном что-то рассказывал. Мы папу всегда просили рассказать про свое детство, как он с цирковыми из дому убежал, как на ярмарках выступал. Сначала-то он только керосиновые лампы чистил, но все рвался на сцену что-нибудь сыграть. Наконец на него надели парик и он должен был выйти и сказать «Карета подана!» или что-то в этом роде. Он вышел и обмер от страха да так и не смог произнести ни одного слова. Оперся на стул, тот рухнул, а парик на стуле повис. На четвереньках он тогда со сцены уполз. Так осрамился. Убежал и залег в придорожную канаву. Хотел даже топить в речке. Слава богу, кто-то из театра его нашел и из этой канавы вытащил.

Вообще замечательный он рассказчик был. Умел это делать и истории интересные придумывал. Потом он иногда со сцены во время концертов рассказывал какие-нибудь смешные шутки. Публика была в восторге.

(Окончание на стр. 14)

ЭП
С